

УДК 811.512.31

**К ПРОБЛЕМЕ КОДИФИКАЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ ЭЛЕМЕНТОВ
ТРАДИЦИОННОГО БУРЯТСКОГО КОСТЮМА**

**ON CODIFICATION OF NAMES OF ELEMENTS IN TRADITIONAL
BURYAT COSTUME**

Е. Ч. Дыжитова

E. Ch. Dyzhitova

ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет», г. Чита

Аннотация. В статье рассмотрены кодифицированные наименования элементов традиционного бурятского костюма в аспекте мифологических воззрений этноса, что позволяет осветить некоторые вопросы этногенеза бурят и типологические универсалии неродственных с бурятским языков, а также выявить наличие давних межъязыковых и межэтнических контактов. Обнаруживается возможность предполагать наличие архаико-мифологических установок в языке, проявившихся в лексемах, истоки которых могут быть связаны с существованием некой единой в прошлом этноязыковой общности североазиатских этносов.

Abstract. The article deals with the codification of names of elements of traditional Buryat costume in the aspect of mythology of the Buryats. This highlights some problems of the ethnogenesis and identifies some typological universals of languages unrelated to Buryat, and it also reveals the existence of old interlingual and interethnic contacts. The author assumes the existence of archaic and mythological units in the language that appeared in the lexical items, the origins of which can be related to the existence of a single ethno-linguistic community of the North Asian ethnic groups in the past.

Ключевые слова: *сравнительно-сопоставительный анализ, этногенез, семиозис, этнопсихология, традиционный бурятский костюм.*

Keywords: *contrastive-comparative analysis, ethnogenesis, semiosis, ethnopsychology, traditional Buryat costume.*

Актуальность исследуемой проблемы. В данной статье предпринята попытка выявить этнокультурную специфику наименований таких элементов традиционного бурятского костюма, как *рукав (хамсы)* и *манжеты (туруу(н))*. Актуальность исследования обусловлена неполной степенью изученности в сравнительно-сопоставительном аспекте апеллятивной лексики бурятского языка, являющейся бесценным источником лингвокультурной, этнолингвистической информации, отражающей не только мировосприятие народа, но и некоторые вопросы межэтнических и межъязыковых контактов этносов в их далеком прошлом.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили лексикографические данные наименований традиционных костюмов в бурятском, селькупском, тюркских языках. В процессе работы нами были использованы сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, этимологический, семиотический методы.

Результаты исследований и их обсуждение. Элементы традиционного костюма – это знаки-символы, при анализе которых с позиции семиотического изучения артефакта

материальной культуры выявляются скрытые ментефакты, имплицитные мифологические мировоззрения народа, закодированные посредством выбора цвета, орнаментики, кроя и дизайна. Так, по мнению известного исследователя-этнографа Д. С. Дугарова, удлиненные, спущенные рукава и конической формы манжеты бурятского женского костюма символизировали передние ноги тотемного животного протобурят [2, 36–51]. При этом манжеты рукавов женского костюма, впрочем, как и мужского, сшитые из ткани черного цвета, олицетворяют копыта некоего животного, представляя собой ментальное отражение жизнедеятельности народа, связанное с хозяйственно-бытовым укладом жизни кочевника. Нельзя исключить наличие утилитарных функций рукава, когда можно было использовать как длину, так и наличие манжет в качестве рукавиц. «При морозной погоде обшлага отворачивали вниз. Многие путешественники и исследователи при описании костюма отмечали, что буряты, монголы «ни в какие морозы рукавицы не имеют» [1, 49].

Привлечение языковых фактов позволило выявить наличие мифологических предпосылок, обусловивших подобную форму рукава, когда во время танца, каких-то церемониально-торжественных шествий раскрывается во всей красе скрытая возможность отождествления рукава женского костюма с птичьим крылом. При образном видении очевидно, что костюм по своей форме напоминает некое существо с птичьими крыльями или ногами некоего животного вместо рук.

Известно, что мифологической праматерью таких групп современных бурят, как хонгодоры, хори-буряты, является именно лебедь. В ономастической лексике бурят также зафиксировано лебединое начало посредством этимона генонимного названия, например, *Хэнгэлдэр/Чиндылдуур* (ср. *чинг* ‘лебедь’ (сельк.)) [3, 137]. К тому же известно, что в среде центральноазиатских имен наиболее распространенными являются именно «птичьи» названия племен и родов [5, 44–69]. Связана данная традиция с анималистическим, тотемным характером поздней формы шаманизма, присущей всем без исключения народам на ранних этапах их духовно-религиозного развития, включая, естественно, и бурят.

Не исключено, что первичным архетипом, на основе которого появилось позднее восприятие лебедь-птицы как праматери бурят, могла быть оленуха (маралуха), которая также присутствует в ряду тотемных предков бурят (например, *Гоа-Марал*). Поэтому семантическая корреляция бурятского *хул* ‘нога; лапа’ и *туруу* ‘копыто’ обусловлена древними североазиатскими этническими воззрениями, будучи связанной с племенами как палеоазиатского, так и самоедоязычного происхождения.

Полагая, что в бурятском, как и в русском языке, к примеру, слово *рукав* является производным от слова *рука*, мы попытались выстроить цепочку лексико-семантических параллелей, имеющих общую корневую основу с возможными, допустимыми вариациями согласных и гласных в наименовании элементов рукава в алтайских языках и не только. При этом оказалось достаточно сложно объяснить семантику апеллятива *хамсы* ‘рукав’ и *туруу* ‘манжеты, обшлага’ из лексикографических средств монгольских языков. Обращение к языковому фонду иных языков алтайской семьи, в частности, к тунгусо-маньчжурским и тюркским языкам, позволило обнаружить возможную лексико-семантическую корреляцию лексем, означающих понятие *крыло/рука/нога* с наименованием рукава и понятие *коготь/ноготь/копыто* с наименованием манжет в бурятском языке.

Обнаружилось данное явление при сравнении и сопоставлении следующего ряда тунгусо-маньчжурских слов с другими, существующими в алтайских языках. Так, тунгусо-маньчжурское **хыл-kse* ‘рукав’: *Уксэ* (эвенк.), *Утчил* (сол.), *Өс* (эвен.), *Уксэ* (негид.),

уксэ (ороч.), уки^hе (уд.), вэскэ (ульч.), вэскэ (орок.), хуэксэ (нан.), хуэксэлу, улхи (<xul-ksi) (маньч.) – сопоставимо с лексемами, означающими понятие *рука*, однако уже в тюркских языках. Это слово – производное от *хыл с помощью суффикса, характерного для наименования частей одежды [8, 182].

При этом следует отметить, что проявляется корреляция наименования *ноги* (ср. хул ‘нога; лапа’ (бур.)) в монгольских языках с наименованием *руки* в тунгусо-маньчжурских и тюркских языках. Данное явление, полагаем, возможно объяснить путем сравнения с лексемами монгольских языков, в частности, бурятского и монгольского хул ‘нога’ (бур.) с таковыми лексемами тунгусо-маньчжурских языков, когда обнаруживается семантическая корреляция понятий *рука* и *нога*. Возможно, что корреляция нашла свое отражение в лексемах, когда проявилось закономерное развитие морфемы, например, производное от *хыл. Поскольку тунгусо-маньчжурское *и в переднерядных словах может восходить к алтайскому *у, возможно сопоставление тунгусо-маньчжурского хыл с монгольским *кыл ‘нога’ [7, 258].

Что касается внешних сопоставлений для *kol, то представляется наиболее реальной связь с селькупской лексемой обозначения *крыла*: қола ~ колалэ ~ қолла ~ қолья ‘крыло’. В селькупско-русском диалектном словаре зафиксировано слово қолалжэ ‘рукав, рукава’, при сопоставлении которого с лексемами обозначения *крыла* наблюдается общая корневая основа қол [6, 8]. При этом данная типология очевидна для лексем как селькупского, так и тюркских, тунгусо-маньчжурских языков, которые обозначают понятие *рука/рукав*, а в монгольских – *ногу/лапу*.

Обращаясь к наименованию манжет в традиционном бурятском костюме, отмечаем, что в бурятско-русском словаре К. М. Черемисова зафиксировано следующее: туруу(н) – 1. копыто; 2. перен. обшлага с оттопыривающимся отворотом; 3. меховой манжет (пристегиваемый к рукавам); 4. редко муфта; 5. краги [9, 437]. На первый взгляд, очевидно значение слова туруун, что в переводе означает ‘копыто’. Однако, ввиду отсутствия этимологического словаря монгольских языков, мы обратились к более древним, субстратным лексикографическим источникам и попытались провести пратюркскую параллель с алтайской. Так, пратюркское *turγu, тюркское *durγ-ak ‘ноготь’ имеют алтайскую параллель с *tu(γ)raγun ‘копыто’ [8, 258–259]. Также выстраивается пратюркская параллель относительно корреляции значений *ноготь*, *коготь/копыто*: др.-уйг. *tyrγaq*, чаг. *tyr-naq / tyrnaγ*, тур. *tyrnak*, аз. *dyrnag*, кум., балк., тат., башк., ног., ккалп., каз. *tyrnaq*, кирг. *tyrnak*, алт. диал. Куманд. *tyrγaq*, хак. *tyrγax*, шор. *tyrγaq*, тув. *dyrγaq* ‘ноготь, коготь’; *копыто* – узб. диал., ю.-з., кар.Т., чув. [7, 258]. Из предложенного выше становится возможным говорить, что значение современной монгольской лексемы туруу(н) некогда имело структурные и семантические корреляты с некоторыми из пратюркских языков.

В современном бурятском языке название *ноготь/коготь* передается словом хюмһан, в монгольском *ноготь* – хадаас, хумс; *коготь* – савар, хумс, хавчуур. Можно предполагать, что посредством объединения смысловых понятий, выявляемых вокруг апеллятивов *хамсы* и *туруу*, становится возможным создание образа древнего тотемного предка протобурят, а именно птицы. Некоторые божества бурят изображались в виде лебедя, орла, быка, считавшихся священными. По раннему варианту мифа, хоринские буряты ведут свое происхождение от лебедя. Мотив брака человека с лебедь-птицей восходит к древнейшим тотемистическим воззрениям. Аналогичные сюжеты встречаются у кельтов, орфиков, народов Индии, в фольклоре монголов, тибетцев, китайцев, маньчжуров, а также русского и других индоевропейских народов [10, 58].

Как отмечает Р. Г. Жамсаранова в монографическом исследовании «Концептосфера средневековой монгольской этнонимии», посредством языковых реалий мифологическое начало образа птицы передается архисемой, вычленяемой из ряда лексических единиц, обозначающих признаки смыслового поля птицы [2, 127–128].

В целях вычленения архисемы выстраиваем семантический ряд с помощью выявленных лексем, формирующих понятийное поле тотемного первопредка бурят: селькупское *қолалаж* ‘рукав, рукава’ / *қола* ~ *қолала* ~ *қолла* ~ *қолья* ‘крыло’ → тунгусо-маньчжурское **хыл-kse* ‘рукав’ → (монгольское **күл* ‘нога’ → бурятское *хүл* ‘нога; лапа’) → монгольское *ханцуй* ‘рукав’ → бурятское *хамсы* ‘рукав’ + пратюркское **turǵı*, тюркское **durǵ-ak* ‘ноготь, коготь’ → (бурятское *хюмһан* ‘ноготь/коготь’, монгольское *хадаас*, *хумс* ‘ноготь’, монгольское *савар*, *хумс*, *хавчуур* ‘коготь’) → монгольское **tu(γu)raγın* ‘копыто’ → бурятское *туруу(н)* ‘копыто’. Любопытно выделить из этого сопоставительного ряда лексем в рамках архисемы *крыло*, *рукав/рука*, *нога* морфемные *қол/*хыл/*күл/хүл/хан*, а также в рамках архисемы *ноготь/коготь*, *копыто* морфемные *tu/du/хю/ха/ху/са*.

Возможно предполагать, что некогда на территории современного Циркумбайкаля как исторической ойкумены бурятского этноса существовал единый урало-алтайский языковой союз. Это подтверждается и исследованием специальной лексики, в нашем случае – наименований элементов традиционного бурятского костюма. В итоге напрашивается вывод о первичности селькупской лексемы обозначения *руки/ноги* и *крыла* в лексическом фонде бурятского языка.

При этом лексема *рука/рукав* осталась только в некоторых из алтайских языков, тогда как в монгольских языках она вошла в употребление как наименование *ноги/лапы* (зверя). Подобная коллизия произошла с лексемой *туруу(н)* ‘копыто’. Первичное значение ее было связано с наименованием *ногтя*, *когтя*, однако уже в некоторых тюркских языках.

Поиски исходного языка, в котором могла присутствовать лексема, обозначающая такой элемент бурятского костюма, как *рукав (хамсы)*, могут привести к какому-то праязыку, который связан, например, с самодийскими языками. В селькупском языке такая лексема, как *қамыль пороқы* ‘платье; рубашка’, имеет в первом элементе этого составного слова морфемное *қам-*, которое возможно сопоставить с бурятским *хам-* в качестве основы слова *хамсы*, именующего *рукав*. В ненецком языке слово *хамбка* ‘шелк’, в составе которого выделяется морфемное *хам-*, коррелирующее с основой бурятского *хамсы*, также входит в гипотетически выстраиваемый ряд однокоренных слов, номинирующих одежду, материал. При этом следует привести обозначение *рубахи/рубашки*, *сорочки – самса* в бурятском языке. Примечательно, что выражение *морин самса* в хори-бурятском диалекте означает ‘платье’. Если учитывать, что в бурятском языке присутствует регулярное чередование *h/c*, которое также типично и для ряда тунгусо-маньчжурских языков, то старинное обозначение такого элемента бурятского женского костюма, как *рукав (хамсы)*, практически совпадает с литературным словом *самса* ‘рубаха, сорочка’ (вост. д.) [4, 182].

Подытоживая все вышесказанное, обнаруживаем возможность говорить о наличии архаико-мифологических установок в языке, проявившихся в лексемах – обозначениях рукава и манжет традиционного костюма. Истоки этого явления могут быть связаны с существованием некой единой в прошлом этноязыковой общности североазиатских этносов.

Наше исследование языковых данных показало, что в обнаруженных общих корневых основах лежит антропоцентрическое и зооцентрическое начало восприятия природы, где монгольское *kuɮ* 'нога', бурятское *хул* 'нога; лапа', селькупское *қола ~ колалэ ~ қолла ~ қолья* 'крыло' сопоставимы с руками человека, а также с крыльями; бурятское *хюмһан* 'ноготь/коготь', монгольское *хадаас, хумс* 'ноготь', монгольское *савар, хумс, хавчуур* 'коготь', тюркское **durɣ-ak* 'ноготь, коготь' сопоставимы с когтями птицы как «верховой» ипостаси первопредка или праматери родовых объединений бурят.

Резюме. В данной работе прослеживается этнокультурная специфика семиозиса комплексного костюма бурят, которая уходит корнями к мифологическим воззрениям древнего народа. Опираясь на лексикографические источники и мифологические представления, мы попытались проследить скрытые механизмы кодификации элементов традиционного костюма бурят, что иллюстрирует наличие давних межъязыковых и межэтнических контактов.

Условные сокращения:

тунг.-маньч. – тунгусо-маньчжурский, эвенк. – эвенкийский, сол. – солонский, эвен. – эвенский, негид. – негидальский, ороц. – ороцкий, уд. – удэйский, ульч. – ульчский, орок. – орокский, нан. – нанайский, маньч. – маньчжурский, др.-уйг. – древнеуйгурский, чаг. – чагатайский, тур. – турецкий, аз. – азербайджанский, кум. – кумыкский, балк. – балканский, тат. – татарский, башк. – башкирский, ног. – ногайский, ккалп. – каракалпакский, каз. – казахский, кирг. – киргизский, алт. диал. Куманд. – алтайский диалектный кумандинский, хак. – хакасский, шор. – шорский, тув. – тувинский, узб. диал. – узбекский диалектный, кар.Т. – тракайский диалект караимского языка, чув. – чувашский, сельк. – селькупский, бур. – бурятский, вост. д. – восточный диалект, ю.-з. – юго-западные языки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабуева, В. Д.* Мир традиций бурят / В. Д. Бабуева. – Улан-Удэ : Улзы, 2001. – 144с.
2. *Дугаров, Д. С.* Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов / Д. С. Дугаров // Советская этнография. – 1983. – № 5. – С. 36–51.
3. *Жамсаранова, Р. Г.* Концептосфера средневековой монгольской этнонимии / Р. Г. Жамсаранова. – Чита : Экспресс-издательство, 2013. – 288 с.
4. *Жамсаранова, Р. Г.* Этнокультурная специфика именованя рукава в традиционном бурятском костюме / Р. Г. Жамсаранова, Е. Ч. Дыжитова // Давид Кугультинов – поэт, философ, гражданин : материалы Всерос. науч. конф. – Элиста : КалмГУ, 2012. – С. 181–183.
5. *Никонов, В. А.* Этнонимы Дальнего Востока СССР / В. А. Никонов ; под ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонова // Этническая ономастика. – М. : Наука, 1984. – С. 44–69.
6. *Селькупско-русский диалектный словарь* / под ред. В. В. Быконя. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2005. – 348 с.
7. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика.* – М. : Наука, 1997. – 800 с.
8. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык – основа. Картина мира пратюркского народа по данным языка* / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. – М. : Наука, 2006. – 908 с.
9. *Черемисов, К. М.* Бурятско-русский словарь / К. М. Черемисов. – М. : Сов. энциклопедия, 1973. – 804 с.
10. *Шаракшинова, Н. О.* Мифы бурят / Н. О. Шаракшинова. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1980. – 168 с.